

П. Р. ЗАБОРОВ

ГЮГО И КАРАМЗИН

В апреле 1864 г., когда мир отмечал трехвековой юбилей Шекспира, в Париже появилась книга о великом драматурге, принадлежавшая перу Виктора Гюго. Самого поэта в то время во Франции не было: политический изгнанник, он находился на английском острове Гернсей, недалеко от французского берега, но вне досягаемости для французских властей.

Современники встретили новую книгу Гюго с нескрываемым раздражением. «Измумительно странная», сотканная из противоречий книга, где «предельно сближаются гениальность и безумие»;¹ труд, для характеристики которого «понадобился бы целый том, заключающий в себе всемирную историю»;² сочинение, автор которого «слишком уж занят собой»,³ — подобные суждения достаточно отчетливо обнаруживают отношение к этому произведению в английских и французских общественно-литературных кругах.

Сходным образом звучал и наиболее значительный русский отклик на книгу, принадлежавший Аполлону Григорьеву. При всем сочувствии французскому поэту — «величайшему выразителю современного западного человечества» — А. Григорьев бросал ему аналогичный упрек: «Книга сама по себе — гениальное уродство, в котором о самом Шекспире едва ли найдется листа два печатных».⁴

Между тем, хотя первоначальным толчком к созданию книги и послужил предпринятый в 1853 г. сыном поэта Франсуа-Виктором перевод сочинений «британского Эхила» на фран-

¹ Blackwood's Edinburgh Magazine, 1864, v. ХСVI, N 585, p. 180.

² Revue du monde catholique, 1864, t. 9, pp. 201—202.

³ Revue contemporaine, 1864, t. 39, pp. 396—404.

⁴ Эпоха, 1864, № 6, стр. 265—266.

цузский язык,⁵ свою задачу Гюго видел отнюдь не только в подготовке читательского восприятия. «William Shakespeare» явился итогом его долгих, восходящих еще к эпохе «романтических битв» раздумий над творчеством гениального драматурга и его жизнью в веках, но также и над судьбами искусства и человеческой цивилизации вообще.⁶ «По-настоящему, — писал Гюго в предисловии, — очерк этот следовало бы назвать „По поводу Шекспира“. Стремление, как говорят в Англии, представить публике новый перевод Шекспира было для автора лишь первой побудительной причиной. Глубокая заинтересованность в успехе переводчика не должна была лишить его права рекомендовать перевод. С другой стороны, в еще большей степени мысль его волновал самый предмет. В связи с Шекспиром перед ним встали все вопросы, касающиеся искусства. Обсуждать их — это значит разъяснять задачи искусства, обсуждать их — это значит разъяснять обязанности человеческой мысли по отношению к человеку. Возникает столь очевидная возможность высказать целый ряд истин, что недопустимо, особенно в такое время, как наше, ею пренебречь. Автор понял это. Он без колебаний приступил к рассмотрению сложных вопросов искусства и цивилизации в их различных проявлениях, расширяя горизонт каждый раз, когда смещалась перспектива, и принимая все то, что от него настоятельно требовал объект».⁷

Среди этих «настоятельных требований объекта» был и вопрос о характере современных исторических штудий. Посвященный ему раздел назывался: «Подлинная история — каждый водворен на свое место» (*L'histoire réelle — chacun remis à sa place*).

С тех пор как существует человечество, полагает Гюго, на переднем плане истории всегда были «люди силы» — короли, императоры, князья, вожди, военачальники; им неизменно сопутствовала слава, мир рукоплескал их блистательным победам, но сияние, которое они излучали, не освещало небо, а воспламеняло, словно они хотели овладеть бесконечностью. Однако времена переменились. Человеческий род пресытился страданиями и не желает более существовать по этому скорбному пути. Эпоха «людей силы» миновала. Война, деспотизм, теократия, рабство — всему этому наступает конец. На авансцену истории выходит народ и подлинно великие люди — «династия гениев», призванная вести его вперед.

⁵ Об этом см.: F.-V. Guille. *François-Victor Hugo et son oeuvre*. Paris, 1950, pp. 171—199.

⁶ См.: F. Gregh. *L'oeuvre de Victor Hugo*. Paris, 1933, pp. 388—391; P. Souchon. *Victor Hugo, l'homme et l'oeuvre*. Paris, 1949, pp. 218—220,

⁷ [V. Hugo]. *William Shakespeare*. Paris, 1864, pp. 3—4.

В свете этих грандиозных перемен должна быть написана заново вся многовековая история человечества, в истории, как и в жизни, должна восторжествовать истина и справедливость. Из сплошного прославления монархов и полководцев она должна стать историей народов, нравов, законов, искусства и науки, иными словами — на смену истории царствований и войн должна, наконец, прийти история цивилизации и прогресса.

Как и все это построение Гюго, обновленная историография, за которую он ратует с таким пафосом, лишена в его изложении сколько-нибудь ясных очертаний. Он не называет ни одного историка, хоть отчасти соответствующего его идеалу; этот мудрый и беспристрастный историк — весь в его мечтах. Зато историография «старого типа» обозначена им вполне отчетливо. К ней, по мысли поэта, принадлежат Боссюэ, Флери и аббат Плюш, к ней принадлежат Дмитрий Кантемир и Карамзин.

О Кантемире Гюго мог узнать из исторических сочинений Вольтера, который был знаком с «Историей возвышения и падения Оттоманской империи» (1714—1716) и широко использовал ее в своих трудах.⁸ Впрочем, не исключена возможность, что Гюго читал или по крайней мере просматривал ее французский перевод (1743). Приведенные им факты необычайной жестокости турецких султанов действительно восходят к Кантемиру, хотя Амурат IV ошибочно им назван Селимом,⁹ а Мухамед III — условным именем Тигр.¹⁰ Неверно была истолкована и самая манера историка: объективность и некоторую сухость его повествования Гюго счел свидетельством его протурецких настроений и безоговорочной приверженности деспотизму.¹¹ Приверженность деспотизму инкриминировал он и Карамзину.

Появление на страницах книги Гюго имени Карамзина не означало, однако, что поэт знал «Историю государства Российского», хотя перевод ее на французский язык существовал уже более трех десятилетий: у Гюго Карамзин фигурирует как историк Петра. Правда, об убийстве царевича Алексея Карам-

⁸ См.: Ф. Я. П р и й м а. Антиох Кантемир и его французские литературные связи. В кн.: Русская литература. Тр. Отдела новой русской литературы Института русской литературы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 27—29.

⁹ [V. Hugo]. William Shakespeare, p. 544. Ср.: D. Cantimir. Histoire de l'empire ottoman où se voyent les causes de son agrandissement et de sa décadence, t. II. Paris, 1743, p. 37.

¹⁰ [V. Hugo]. William Shakespeare, p. 545. Ср.: D. Cantimir. Histoire de l'empire ottoman, t. II, p. 22.

¹¹ О Д. Кантемире см.: В. Н. Е р м у р а т с к и й. Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира. Кишинев, 1956; С. К а л л и м а к и, Дмитрий Кантемир. Бухарест, 1966.

зин не писал, но факт этот был с давних пор известен на Западе; ¹² к тому же в 1860 г. в Лейпциге вышло специальное сочинение о процессе царевича — французский перевод шестого тома «Истории царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова (1859).¹³ Что же касается самого Петра, то ему Карамзин посвятил не одну страницу в своей «Записке о древней и новой России».

Знакомство В. Гюго с полным изданием «Записки» в подлиннике (Берлин, 1861) неправдоподобно. Но один ее фрагмент, содержащий краткую характеристику деятельности Петра, поэт мог узнать во французском переводе задолго до того, как приступил к работе над «Шекспиром». Фрагмент этот был приведен в книге Николая Ивановича Тургенева «La Russie et les Russes», увидевшей свет еще в 1847 г. Впрочем, скорее всего эта замечательная книга могла попасть к Гюго в период гернсейского изгнания, когда усилились его связи с международной политической эмиграцией.¹⁴ Не исключено, что его внимание обратил на нее Герцен, с которым он находился тогда в переписке, или же кто-нибудь из общих друзей. Между прочим, в столь восхитившем его первом томе «Былого и дум» имя Карамзина упоминалось дважды.¹⁵ Однако это были только упоминания, хотя и достаточно выразительные; Тургенев же посвятил Карамзину особый этюд, или, как он сам его называл, «нотис»

Никакие личные заслуги и человеческие достоинства Карамзина не помешали Тургеневу осудить его общественную позицию: «историограф империи» был убежден в необходимости для России самодержавия. При этом он не одобрял очень многого, подчас осмеливался даже говорить правду самому царю, но в основе всех его (без исключения) выступлений неизменно лежали уважение и любовь к самодержавной власти, своего рода культ, сложившийся у него в процессе долгих раздумий над историческими судьбами русского народа и государства.¹⁶

¹² См.: Г. Линдлер. Петр Великий и Алексей Петрович. Эпизод русской истории в освещении западноевропейской литературы. В сб.: Петр Великий. СПб., 1903, стр. 260—294.

¹³ Le procès du tsarévitch Alexis Pétrouitch traduit du Russe par Constantin de White. Leipzig, 1860.

¹⁴ Об этом см.: М. П. Алексеев. Виктор Гюго и его русские знакомства. Литературное наследство, т. 31—32. М., 1937, стр. 823—841.

¹⁵ Le Monde Russe et la Révolution. Mémoires de A. Hertzén. 1812—1835. Paris, 1860, pp. 139, 165. Отзыв Гюго см. в кн.: V. Hugo. Correspondance, t. II. Paris, 1950, pp. 340—341; см. также: Correspondance, t. IV. Paris, 1952, p. 327.

¹⁶ См.: N. Tourguéneff. La Russie et les Russes, t. I. Paris, 1847, pp. 87—89. См. также: В. М. Тарасова. Россия и русские (Н. И. Тур-

Отзвук этих рассуждений Н. И. Тургенева и слышится в книге Гюго. Поэт с осуждением говорит о монархизме историка, о его восхищенно-любовном отношении к царям. Но вместе с тем отмечает, что славословит он царей извиняющимся тоном: «Карамзин лишен всякого пыла, какого бы то ни было воодушевления, его энтузиазм охлажден, его восторги унылы, его рвение сковано, он ласкает окоченевшими пальцами».¹⁷

Вот почему труд Карамзина-историка кажется Виктору Гюго знаменем времени. Деятельностью Карамзина, полагает он, завершается линия европейской историографии, «основанной на повиновении». Деятельность Карамзина предвосхищает наступление новой эпохи, когда история из живописного полотна станет зеркалом и отблеск минувшего озарит будущее, которое — в конце концов — принесет человечеству вождеденную победу света и добра.

Несомненно, в книге Гюго о Шекспире и тем более в его творчестве вообще «карамзинский эпизод» не занимает сколько-нибудь существенного места. Это всего лишь факт, подтверждающий его оптимистическую концепцию, всего лишь пример — и притом один из многих. Но самое обращение французского поэта к Карамзину весьма интересно и показательно, будучи проявлением все возраставшего тогда в Западной Европе внимания к русской литературе и культуре в их настоящем и прошлом.

генов о России 30--50-х годов XIX в.). Уч. зап. Марийского пед. инст. им. Н. К. Крупской, 1965, т. XXVII, стр. 119—233.

¹⁷ [V. Hugo]. William Shakespeare, p. 545.